

ИММЕРСИВНЫЙ PSI-fi

АРХИТЕКТОРЫ СМЫСЛОВ

ИНСОФОС. КНИГА 1 ...

Марта, дорогая!
Я пребываю в полном восторге!
Ты заварила густой, ароматный как
свежеобжаренный кофе,
Sci-Fi.

Это хроники юху революции,
с чарующим уютom, тонкой иронией и
привкусом легкого
экзистенциального абсурда.

Мерта Сол

Марта Сол

Архитекторы смыслов

<https://litres.ru/74622954>

SelfPub; 2026

Аннотация

Долина, надежно скрытая от любопытных глаз складками рельефа и искажениями метрики пространства — это Эйдос, священное и тайное пристанище инсофов — людей следующего витка эволюции, которые сумели преодолеть физические ограничения нашего мира.

В этом убежище, где реальность пластична, переплетаются удивительные судьбы.

Именно там предстоит сконструировать физарум — всемирную мицелиальную сеть, которая отменит власть денег, и без единого выстрела демонтировать старые государства. Жизнь ведь задумывалась как нечто приятное, а всё остальное — просто шум в эфире, который мы намерены отключить. Сразу после второй чашки кофе.

Но у созидательного гедонизма есть враг. И этот враг — тонкий ментальный манипулятор, прячущийся среди своих, готовый натравить на Долину самые темные силы.

Готов ли ты, читатель, заглянуть в эту кроличью нору? Налей себе чаю, и приготовься к бархатной революции, где строгая

высшая физика переплетается с уютным дачным бытом и легким экзистенциальным абсурдом.

Содержание

Часть I. Кофе, пёс и superpositio	5
Большой день	8
2083-й и налог на выдох	14
Морковь и Смыслы	19
Право собственности на провидение	29
Кто-то теряет, а кто-то находит	37
Iron Maiden на минималках	48
Галопом по неведомым дорожкам	57
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Марта Сол

Архитекторы смыслов

Часть I. Кофе, пёс и superpositio

Здравствуй, мой вечно спешащий читатель. Садись поближе. Выдыхай. Здесь, в нашем уютном уголке, за нервные выдохи пока не штрафуют.

Скажу тебе как на духу: спасение человечества — процесс, сильно переоцененный голливудскими режиссерами. Там герои с квадратными челюстями преодолевают боль на фоне пылающих небоскребов. В реальности всё прозаичнее. Великие дела вершатся в растянутых свитерах, с кружкой остывшего ристретто в руках и под аккомпанемент чавкающей собаки.

Меня зовут Елена, и я живу в Долине Эйдос. Здесь законы Ньютона давно вышли на пенсию. Квантовая запутанность работает с грацией старого, дребезжащего холодильника: гудит, иногда плюется льдом, но в целом исправно выдает стабильное чудо. Мы выращиваем дома из эмпатического мицелия, отменяем гравитацию по четвергам и планируем тихую, бархатную революцию, чтобы без единого выстрела избавить мир от власти денег.

Но послушай меня внимательно, мой пронизывающий

друг. Если ты думаешь, что наша главная интрига — это надвигающаяся комиссия алчных столичных бюрократов, желающих распилить Долину на сувениры, то ты жестоко ошибаешься. Основной сюжет — это лишь скелет. А чтобы он не пугал тебя своей худобой и не громыхал костями на поворотах, нам нужно правильное «мясо».

Настоящая драма разворачивается прямо у меня под окнами, в тех самых побочных линиях, без которых мир плосок, как картонная коробка из-под пиццы. Мой рыжий пес Базиль — меховой генератор хаоса — решил, что законы термодинамики не распространяются на его желудочно-кишечный тракт. А мой домашний андроид-кентавр Эрик впал в глубокую экзистенциальную депрессию.

В этой части нашей истории мы будем много пить кофе и говорить о странном. Ты узнаешь главное правило суперпозиции: можно одновременно быть гениальным инсофом, меняющим архитектуру смыслов, и уязвимым человеком, который пришел в комнату и забыл зачем. Эти два состояния не исключают друг друга. Одно язвительно оспаривает другое, не давая нам забронзоветь.

Мы будем наблюдать, как грандиозные философские концепты спотыкаются о забытые старые тапочки. Как люди строят себе золотые клетки из страха перед свободой. И как иногда, чтобы Вселенная сложилась в правильный узор, нужно просто позволить ей побыть абсурдной.

Заваривай чай. Почеши кота (или кто там у тебя в доме

отвечает за уют). Мы начинаем погружение в мир, где строгая высшая наука безоговорочно капитулирует перед запахом свежей выпечки, а чеховские ружья замаскированы под любимые платья.

Большой день

*я заглянул в карман к олегу
а там лежит одна фигня
олег спросил зачем ты смотришь
я думал там твоя душа*

Дождь только что пролетел над долиной, вымыв местную пастораль до совершенно неприличного, почти рекламного изумрудного блеска. У огромного французского окна замерла женщина в длинном, лавандового цвета платье. На столике дымится изящная чашка с черным ристретто, а у ног, изображая из себя мохнатый пуфик и жертву глобального недосыпа, сопел пёс. Рыжий метис размером с небольшого комодского варана и внутренним достоинством отставного генерала.

Это я и мой Базиль. Вы застали нас в редкую, почти музейную минуту покоя.

То есть я-то спокойна как газонная трава под инеем, а вот Базиль — это случайно вывалившийся из высших измерений кусочек первобытного хаоса. В статике этот пёс существует исключительно во сне. Во всех остальных агрегатных состояниях он одновременно нарезает галоп по параллельным мирам, с хрустом аннигилирует всю доступную материю и выбивает из моих рук посуду с грацией пьяного грузчика, роняющего хрустальную люстру.

Меня зовут Елена. В официальном мире Шумных я — неожиданно проклюнувшийся молодой писательский талант. Мои уютные романы заставляют читателей умиляться, плакать и внезапно находить в карманах старых пальто забытые крупнокупюрные бумажки. Для узкого же круга... что ж, мне слегка за девяносто. Хотя если завязать хвостик на затылке потуже и не рассматривать меня при прямом полуденном солнце, я выгляжу на вполне аппетитные тридцать пять.

Для меня наша грандиозная Вселенная с её квантовой запутанностью и торсионными полями — не научная мозгодробилка, а обычный распределительный щиток в старой пятиэтажке. Провода, конечно, покрыты пылью веков, а тумблеры заклинило от бытовой сырости, но главное — знать, куда сунуть отвертку. Один легкий щелчок мыслью — и реальность послушно меняет ветку. Пожалуйста: калорийное пирожное идет напрямиком в зону душевного восторга, минуя бедра, а судьба виляет хвостом, как накормленный лабрадор.

Сегодня — Большой День Ноль. День, когда мы намерены зародить новый Мир, покоящийся на трех китах: счастье, Красоте и Пользе. Мы мягко перебросим человечество в Инсофос — ту самую точку перехода, где вместо валюты действует репутация, а вместо выжигающего стресса — созидательный гедонизм.

Тут, мой проницательный читатель, нам стоит сделать паузу, отхлебнуть кофе и поговорить о смысле смыслов.

Смысл спелого яблока для человека — быть съеден-

ным с хрустом и принести чистую, незамысловатую радость. Смысл работы — созидание. Но где-то по дороге к благу цивилизации технологический прогресс потерял исходные настройки, как пьяный сантехник — гаечный ключ в подвале. Желанное изобилие на полках превратилось в химический яд, производство — в рабскую выжимку человеческих ресурсов, а деньги из удобного инструмента обмена стали единственным смыслом существования. In fact, смыслом выращивания пшеницы стала не румяная горбушка, а сухая бумажная банкнота.

Бредабсолютнейше? А то!

Впрочем, XXI век не был изобретателем абсурда. Возьми Египетские пирамиды, читатель. Историки ломают голову над их загадками, но никто не задался простым бытовым вопросом: каков был бытовой смысл сорока лет адова труда миллионов человек? Зачем они полировали и перетаскивали сотни тысяч тонн гранитных глыб на бесполезную высоту? Чтобы обложить ими выпотрошенный, набитый солью трупик одного — одного! — человека? С расчетом, что душа захочет туда вернуться, потеснит попой действующего фараона, и они станут править вдвоем?

Глупее этой затеи — только превращать сотни тонн природных ресурсов и человеко-часов в космический мусор ради понтов перед воображаемыми соседями по галактике.

Когда вокруг тебя миллиарду денег противостоит миллион испуганных, загнавших себя людей, мир начинает штор-

мить. Напряжение, страх и злость обывателей, запертых в бесконечном беге по кругу «работа-кредит-аптека», создают плотный ментальный смог. Эта невидимая сила материализуется: от катаклизмов в экономике до реальных засух. Если несколько касаток могут раскатать и сломать огромную льдину единой синхронной волной, то почему мы удивляемся, когда коллективный человеческий стресс вызывает ураган в Бискайском заливе?

Может, ты сочтешь этот разговор слегка неуместным для научно-фантастической книги, но и в мюонном двигателе, и в Царевне-Лягушке, и в среднестатистическом диктаторе есть один и тот же первый кульбит, порождающий и первый пузырек в кастрюле с макаронами, и саму жизнь.

Откуда я вся такая умная и красивая у большого французского окна? С удовольствием представляюсь!

Многие годы я прожила самой обычной жизнью. Родилась, училась, крутилась в вихре суеты, пока не случилась со мной беда. Ничего из ряда вон выходящего — тяжелая болезнь, парализовавшая тело и финансы. Но именно она заставила меня обратить внимание на альтернативные источники информации.

Воспитывали-то меня по суровому советскому принципу: «Все пашут — и ты паши». Неудача? Мало старалась, ленивая девка. Удача? А могла бы лучше, выше, быстрее! Я была до глубины души уверена, что без труда не вынешь и дохлую рыбку из мутного пруда. Но как мы знаем, что лучше всех

в колхозе работала лошадь. Однако председателем она так и не стала.

Отчаяние сменилось любопытством. Имея brutальное высшее техническое образование и привычку складывать мысли в четкие алгоритмы, я подошла к вопросу сугубо экспериментально.

Проголодала неделю — и напрочь забыла о мешке лекарств. Это был первый пробой стены. Потом в ход пошли карты Зенера, медитации и работа с ментальным полем. Я научилась заказывать по утрам хорошую погоду над домом, разгонять тучи и вырастила себе новые, безупречные зубы взамен пломбированных. Я остановила биологические часы на тридцати пяти годах и вывела Первый Непреложный Закон своей реальности: «Любое событие в моей жизни происходит либо мне на пользу, либо в удовольствие. Другие варианты предложите за углом».

Я не ждала появления единомышленников. Думала, так и буду тихонько феячить в своей норке, записывая странности мира в свой аналитический блокнотик. Но однажды они нашли меня сами. И моя домашняя бытовая магия превратилась в Архитектуру Нового Мира.

А сейчас я просто пью кофе, смотрю на мокрую Долину и стараюсь не думать о том, что просыпаться по утрам для меня — такая же сложная метафизическая задача, как и спасение цивилизации.

Составь мне компанию, читатель. Впереди у нас ураган-

ная, но абсолютно бархатная революция, квантовые тумблеры, парадокс с укропом и мир единых электрических розеток.

Так приступим же к раскрытию секретов. Сразу после еще одной чашечки кофе.

2083-й и налог на выдох

*когда планета к черту мчится
и кофе варят без души
ты завяжи покрепче хвостик
и мир спасти не успеши*

На дворе стоял 2083 год. Мир не просто сошел с ума — он сделал это с помпой, фанфарами и утвержденным в трех чтениях государственным бюджетом.

Если вы думаете, что глобальный кризис — это когда по улицам шагают мрачные штурмовики в черном кожном, то вы отстали от жизни примерно на век. Современный абсолютизм выглажен, улыбочиво гигиеничен и пахнет синтетическим антисептиком с ароматом «Альпийская свежесть 4». Он не бьет вас дубинкой по голове — он просто присылает на ваш комм push-уведомление о том, что за последние пять минут вы превысили лимит эмоций и с вашего счета списана соответствующая мзда.

Ах да, налог на выдох. Это не поэтическая метафора для привлечения романтических читателей. Это реальная статья доходов казначейства под номером 804-Б.

Каждый гражданин носил под носом изящный, почти незаметный датчик-респиратор. Официально — «для вашей же безопасности и контроля экобаланса». На деле же эта дрянь с тихим писком считала углекислый газ, вылетающий

из ваших легких. Выдохнул от усталости — плати. Вздохнул о несчастной любви — плати по двойному тарифу, потому что в любовном вздохе повышенная концентрация глубокого углерода. Заболел и чихнул? Поздравляем, вы только что оплатили обед какому-нибудь чиновнику в столичном куполе.

Людей стали называть «Шумными». И это было самое точное определение в истории эволюции. Они не были злыми. Они просто тонули в плотном, липком ментальном смоге. Представьте себе коммунальную кухню, где одновременно закипают сорок чайников, три радиоприемника орут разные новости, а на стене висит старый телевизор с помехами. Вот так выглядела голова среднестатистического обывателя XXI века.

С самого младенчества их пичкали цифровым мусором, нейростимуляцией и рекламой вещей, без которых невозможно прожить даже сорок секунд. На них давила ипотека за микроскопический жилой кубик из прессованного пластика, кредиты на антигравитационные тапочки и непрерывный, выжигающий внутренности страх. Страх остаться без работы, страх не пройти ежемесячную аттестацию на лояльность, страх просто остановиться и подумать.

Потому что если остановиться — станет страшно до тошноты.

Глобальное информационное поле Земли напоминало старую бабушкину кладовку, в которую пятьдесят лет сва-

ливали дырявые тазы, завядшую рассаду, сломанные пылесосы и нереализованные амбиции. Чистая искра созидания — та самая, из которой рождаются гениальные симфонии, настоящая любовь и вкусная тушеная капуста — пробиться сквозь этот завал не могла. Ей просто не хватало чистого воздуха. В этом искусственном, стерильном и одновременно грязно-шумном мире зерно жизни замирало. Оно каменело в сухой, отравленной почве, не понимая, зачем ему прорастать навстречу холодному свету диодов.

«И почему же миллионы несчастных людишек не восстанут? — спросит мой наивный читатель, утирая слезу шелковым платочком. — Почему не сбросят иго этих паразитов?»

О, тут вступает в силу суровая арифметика смыслов.

Потому что миллиону испуганных, загнавших себя до полусмерти людей с ипотекой противостоит миллиард денег. А у этого миллиарда есть вполне конкретные хозяева, которые не отдадут свои привилегии даже под угрозой тепловой смерти Вселенной. Когда ты бежишь в колесе со скоростью сорока километров в час, пытаешься заработать на пайку синтетического белка и отсрочку по налогу на дыхание, у тебя нет времени на революции. У тебя есть силы только на то, чтобы дойти до кровати и упасть лицом в ортопедический поролон.

Но у природы есть одно фантастическое качество. Чем сильнее на нее давят, тем более странные и прекрасные формы жизни она начинает выпекать в своем духовом шкафу.

Пока «Шумные» паниковали и метались по замкнутому кругу, эволюция тихонько, без шума и пыли, открыла боковую форточку. В глубине этого цифрового ада начали появляться инсофы.

Инсофос — это не организация с Уставом и членскими взносами. Это точка перехода. Граница, где гусеница, уставшая грызть капустный лист под проливным дождем, вдруг осознает, что внутри неё уже выросли крылья бабочки.

Мы, инсофы, научились делать то, что казалось «Шумным» невозможным. Мы научились выключать внутренний радиоприемник. Мы вышли из ментального смога на свежий воздух, опустили руки в прохладную воду квантового поля Уни и поняли: физика нашего мира гораздо уступчивее, чем утверждают сухие учебники.

Пока чиновники выписывали штрафы за чихание, инсофы учились перестраивать запутанность электронов с той же грацией, с какой мишленовский повар сворачивает рулет с маком. Мы освоили управляемую регенерацию, научились договариваться с погодой и вывели главный закон нового бытия: сила определяется не громкостью вашего крика, а глубиной вашей внутренней тишины.

И количество таких людей росло. Они просыпались в трущобах мегаполисов, в тихих университетских лабораториях, в заброшенных деревнях и за рулем рейсовых электробусов. Они оглядывались по сторонам, фыркали на респираторы и шепотом говорили себе: «Хватит. Играем по другим прави-

лам». Мы не собирались устраивать кровавые бунты с баррикадами. Это глупо, грязно и оставляет трудновыводимые пятна на одежде. Мы готовили нечто гораздо более опасное для старого мира.

Мы готовили Тишину.

Тишину, в которой старые законы, налоги и страхи просто потеряют смысл, как заржавевший замок на распахнутой настежь двери.

Впрочем, до этого грандиозного финала нам еще предстоит дожить. Но об этом — в следующей чашке... то есть главе.

Морковь и Смыслы

*пришла весна, открылись дали
и птицы начали свистеть
а истина сидит на кухне
и просит макарон погреть*

Скажи мне, чуткий читатель, задумывался ли ты, с чего начинались самые грандиозные перевороты в истории человечества? Физика Вселенной устроена пронзительно просто: если ты хочешь сплотить людей, просто дай им общий бытовой раздражитель. Желательно — оранжевого цвета.

Разрешите откашляться в кулак, поправить пенсне и продолжить.

Долина Эйдос была одним из тех мест, где бог, создавая мир, решил на мгновение отвлечься от глобальных катастроф и заняться ландшафтным дизайном для души. С севера её подпирали горы — настолько величественные, что облака, зацепившись за их верхушки, подолгу висели там, как пушистое кашне. С юга же долина застенчиво примыкала к остальному миру, словно надеясь, что прогресс не сразу заметит этот райский уголок за кустами дикого орешника и не придет сюда со своим асфальтом и ипотечными кредитами.

Анна — женщина шикарных гренадерских форм, с душой трепетной матери и неудержимого хозяйственного темперамента, сидела за массивным столом, который помнил еще

те времена, когда слово «сервис» произносили шепотом и с придыханием. Перед ней лежала пачка документов такой толщины, что ею можно было бы прихлопнуть небольшого дракона. Там были аграрные планы, карты, отчеты климатологов и архитектурные фантазии, в которых бетонные коробки пытались выглядеть как античные храмы.

Больше тридцати лет назад Анна влюбилась в эту долину с первого взгляда — еще в те времена, когда слово «реновация» звучало как ругательство, а квантовая запутанность считалась досадной ошибкой в расчетах рассеянных физиков. Долина Эйдос ответила ей взаимностью: шелестела вековыми соснами, туманила прозрачные горные речушки и ненавязчиво намекала, что лучше хозяйки для пятидесяти квадратных километров первозданного хаоса земному шару все равно не найти.

Оформление бумаг в мире шумных — людей, тонущих в бюрократическом смоге и кабальных налогах, — должно было затянуться до следующего оледенения. У Анны имелся батальон лично усыновленных юристов (а всего за четыре века она вывела в люди не один десяток как собственных детей, так и пригретых сирот, занявших нынче ключевые посты от Токио до Лондона) и, главное, Намерение. Когда четырехсотлетняя женщина решает, что земля принадлежит ей, земля просто становится её.

Зима промчалась под аккомпанемент грохота стройки: скрипели подъемные краны, скрежетали платформы, ин-

женеры, строители и дизайнеры бегали друг за другом по стройплощадке гуськом и стайками. Но весну Долина встретила уже в благословенном тихом покое. Старый санаторий превратился в чудо объединения комфорта, экологичности и красоты — в гранж-лаунж.

Хозяйственный темперамент Анны вздохнул. Работы здесь было столько, что даже у самого трудолюбивого муравья случился бы экзистенциальный кризис. Она откинулась на высокую спинку стула, прикрыла глаза и скинула опостылевшие туфли.

Когда-то, в далеком двадцатом веке, Эйдос процветал как санаторий высшей категории. Это был Ватикан для партийных и бизнес-боссов, их истощенных бытом жен и светил мировой науки. Дамы прибывали сюда в кримпленовых платьях, упакованные в шубы и вооруженные томиками французских романов. А внимательный наблюдатель, заглянув в буфет, мог с благоговением узнать в полной женщине с растрепанным пучком или в суетливом старичке, чьи брюки держались на честном слове, светил мировой науки. Академики — суетливые старички в мятых пиджаках — везли с собой мигрени, склерозы и диссертации.

В первые дни каждый постоялец представлял собой суверенное государство с жестким визовым режимом. Они шествовали по коридорам в гордом одиночестве, неся свои артриты как фамильные драгоценности.

Утренний маршрут был неизменен: перво-наперво —

жемчужные ванны, где тело обволакивали пузырьки, обещавшие вернуть молодую стройность, затем — кислородный коктейль, напоминавший на вкус тучу, взбитую миксером.

Но величие заканчивалось ровно в тринадцать ноль-ноль. В обеденном зале. Там, перед лицом общего, беспощадного врага — горы тёртой сырой моркови, — этические, научные и классовые границы рушились за секунду.

Диета номер пять была беспощадна, как инквизиция. Когда перед постояльцем, привыкшим к барбекю и панировке, ставили тарелку с оранжевой стружкой, в его глазах загорался огонь, плавающий сталь.

Новичок, привыкший повелевать трестами и лабораториями, вальяжно усаживался за стол, расправлял на коленях крахмальную салфетку и уверенным баритоном распоряжался:

— Телячью отбивную, будьте добры. И бокал сухого.

Перед ним с легким фарфоровым звуком приземлялась тарелка оранжевой трухи. Дзинь!

— У вас стол 5. Упор на витамины, клетчатку и смирение (последнее говорилось про себя, с хихиканьем). Приятного аппетита!

И шустрая молодость убегала в глубины кухни, оставляя гостя обескураженно хлопать глазами.

Осознав полный крах своих гастрономических надежд, человек делал единственное, что остается в момент катастрофы. Он медленно поворачивал голову к соседу по столу

и произносил Священную Фразу:

— Нет, ну вы представляете?!

Эта магическая формула сбивала постояльцев в нерушимые боевые братства на всё время пребывания в санатории. И в укромных уголках необъятного комплекса, за плотными шторами и в тени фикусов, начиналась совсем другая жизнь. Услужливые портеры, за чаевые, равные половине зарплаты инженера, совершали героические вылазки в соседнее село за местной сдобой. А жареная курочка, завернутая в газету «Вечерние новости», становилась символом истинной свободы, духовного единства и нерушимого братства.

Нередко здесь случались и научные конференции. Академики приезжали группами, споря о преобразовании Фурье с таким жаром, будто от этого зависел урожай озимых в Зимбабве. На страницах журналов их портреты были так отретушированы, что казались ликами святых. Но здесь, в Эйдосе, они ели ту же морковь, так же ругались на сквозняки и в буфете сходились во мнении единогласно: тёртая морковь — это преступление против человечности. И каждый втайне мечтал о чебуреке.

— Да-а... — тихо улыбнулась Анна своим воспоминаниям, погладив пальцем корешок какого-то старого учетного журнала. — Морковь сближала людей надежнее, чем все международные символы веры.

Анна перевернула страницу отчета. Климатологи писали, что в долине сохраняется уникальный микроклимат, но зда-

ниями это не помогало.

Время шло. Шик конца двадцатого века, с его ковравыми дорожками, хрустальными люстрами и запахом хлорки, смешанным с ароматом Opium, в двадцать первом столетии растерял своих почитателей. Новое поколение предпочитало Бали и детокс-смузи из сельдерея, а старые почитатели Эйдоса либо ушли в лучший мир, либо переселились в уютные квартиры перед телевизорами.

Комплекс обезлюдел. В пустых бассейнах теперь плавали только тени и осенние листья. Краска на фасадах шелушилась, как кожа после неудачного загара, а в номерах-люкс, где когда-то плелись интриги государственного масштаба, теперь хозяйничали сквозняки и одинокие пауки, которые плели свои сети с тщательностью, достойной лучших инженеров.

Но долина... Долина осталась прекрасна.

Сказочные леса, где деревья стояли так плотно, будто боялись, что их разлучат, всё так же шелестели свои вековые тайны. Бойкая извилистая река с ледяной водой продолжала свой бесконечный спор с камнями, высекая из них искры пены. Величественные горы, пережив империи, вождей и даже диету номер пять, по-прежнему смотрели вниз с тем олимпийским спокойствием, которое доступно только тем, кто никуда не спешит.

Природа Эйдоса пережила людей. Она не нуждалась в архитектурных планах или отчетах аграрников. Она просто бы-

ла.

Анна сняла очки, потерла переносицу и посмотрела в окно. Там, над лесом, медленно поднимался орел. Ему было абсолютно всё равно, сколько моркови съели академики в 1985 году. Ему было важно только то, что долина всё еще тепла, а ветер всё так же надежен.

По коридору протопали чьи-то мягкие, но очень торопливые лапки. Звук сменился коротким шуршанием, и в комнату бесшумно вошел обладатель широчайшего спектра достоинств (в чем сам он был глубоко и абсолютно убежден). Жемчужно-серый императорский вальяжный кот, с небесно-голубыми глазами и длинной густой шерстью, замер у порога. Пошевелил ушами. Оценил обстановку и неторопливо прошествовал к столу.

Затем Людвиг (а это был именно он) легко взлетел на дубовую столешницу, окинул хозяйственным взглядом небо-скребы папок и озера писем, прошествовал в самое сердце завалов и соизволил небрежно разложить свою красоту эффектной инсталляцией.

Анна в задумчивости мягко погладила наглеца.

В коридоре раздалось теряющее терпение девичье шипение:

— Кс-кс-кс! Людвиг! Кс-черти-тебя-забери-кс-кс!

В проеме показалась светлая взъерошенная голова с короткой стрижкой. Это была Ава — потомок Анны, гениальный хакер, инсоф и девушка, способная чувствовать за-

пах цифровых последовательностей, но абсолютно бессильная перед кошачьим произволом.

Анна повернула голову и мягко улыбнулась.

— Тут беглец! Зайди, детка, расскажи, как устроилась.

Девушка улыбнулась в ответ, вошла и устроилась на диванчике, погрозив коту кулаком. Кот прищурился и развалился ударом хвоста стопку бумаг. Анна от души рассмеялась, а кот с девушкой обменялись выразительными прищурами.

— Жить буду в Соснах. Там гранж малюсенький, зато до лаборатории три шага. С большинством коллег уже сработалась. Лапочки! Кроме...

— Нормана? — Анна тряхнула головой и хитро прищурилась, продолжая чесать Людвига за ухом.

Ава закатила глаза с такой экспрессией, что волосы изменили рельеф растрепанности:

— Мы всей лабораторией решили, что Норман нам послан за грехи, потому что мы в церковь не ходим. Он нудный, как инструкция к пылесосу! Но я его убедила, что плохо воспринимаю информацию на слух, и все свои ценные советы и замечания рада буду получать в письменном виде. На комме надавала распоряжений искину и теперь получаю короткие саммари в виде: «Норман не согласен» или «Норман негодует». Все равно мне разговоры в код не засунешь, мне схемы нужны, формулы, последовательности... Очень экономит время!

Они помолчали. Анна продолжала гладить кота, и в ком-

нате отчетливо послышался довольный рокот.

— А чего в темноте-то сидишь? — Ава легко поднялась, прошла к противоположной стене и приложила ладошку к стеклу большого, в полстены, террариума.

По суккулентам и веткам пробежала легкая биолюминесцентная волна. Листья растений вспыхнули мягким, теплым, янтарно-оранжевым светом. Наружу из гущи лиан недовольно высунулась маленькая белая мордочка древесного медитатора, чихнула от избытка чувств и юркнула обратно. Кабинет засиял уютом.

— Ладно, мам, я пойду спать, Людвига заберу, — Ава сгребла серого разбойника в охапку. — А то он по ночам погромы устраивает, холодильники открывает. Закрывать, естественно, считается выше его королевского достоинства. Конфеты в шуршащих обертках из записочек таскает, андроидов головы морочит. И ты ложись! Вчера до двух ночи в пристройке что делала? Счастье искала? Не удивляйся так, у меня админ на андроидах. А будешь плохо себя вести, я им команду какую-нибудь быстро решающую твою проблему дам.

Девушка подмигнула матери и тихо вышла.

Анна перебралась на мягкий диван, устроилась поудобнее и посмотрела в окно. На Долину опускались синеватые сумерки.

— Ну что ж, — пробормотала она себе под нос, — будем строить заново. Только без моркови.

Она еще не знала, что уже совсем скоро в Эйдос въедет инвалидная коляска с молчаливым исполином, а где-то на другом конце Европы женщина по имени Елена нальет себе вторую чашку ристретто и перестроит ветку вероятностей всей планеты.

Но это, мой терпеливый читатель, будет уже в другой главе. Пойдешь со мной дальше?

Право собственности на провидение

*сидел олег в старинном кресле
и думал все пропало к черту*

За масштабными преобразованиями Эйдоса время не текло, а галопировало с подскоками. Неутомимый хозяйственный темперамент Анны начал приносить плоды. На просторах Долины, подальше от потных ладошек мирового капитала, зрел исследовательский комплекс. На привычные научные институты он походил не больше, чем адронный коллайдер на супницу. Изыскания кардинально отличались от привычных, а результаты тщательно оберегались от посторонних глаз. Здесь квантовую спутанность наматывали в клубок, как деревенскую пряжу.

Сегодня хозяйка всего этого великолепия ждала Гостя. Старого, невероятно дорогого друга.

Вообще-то Анна разучилась ждать с девичьим трепетом века три назад. Но сегодня она поймала себя на том, что все время поправляет вполне себе безупречно сидящий пыльник и вот-вот начнет нервно притопывать носком домашней туфли.

Праздно шатающийся Людвиг воспользовался рассеянностью Анны и незаметно залез-таки на бортик давно вожде-

ленного террариума. Повиснув вверх тормашками, высмотрел в гуще светящихся лиан древесного медиатора и сунул когтистую лапу прямо во флору.

Медиатор взвизгнул на ультразвуке и шмыгнул в потайную нору. Террариум коротко, но емко тряхнуло. Людвиг рухнул на паркет.

А затем в горах что-то отчетливо гроыхнуло. Комната на мгновение потеряла четкость, и Анна поняла, что она слегка парит над диваном. Через мгновение все стало как прежде. Комм на её запястье забился в истерике системных оповещений.

— Черти! Вы мне еще Судный день до ужина устройте! — Анна распахнула вирт-окно. — Снова ошибка классификации намерения.

Раньше от лабораторных опытов с энергией Уни просто мигал свет или выли окрестные собаки. А сегодня отвалилась гравитация. Растет смена.

Анна отдала последние на сегодня распоряжения, выпила душистый травяной сбор в саду и вернулась в просторную гостиную. Устроившись на уютном диване с ноутбуком, она погрузилась в изучение давно откладываемого дела: Павлионы КН204S. Ей требовалось совершенство. Квинтэссенция экологичности, себестоимости, идеальной эргономики и легкий флер эстетического совершенства.

Анна не испытывала трепета перед гипсом, лепниной или сакральным архитектурным наследием прошлого. Смысл ар-

хитектуры — служить жизни, а не наоборот. Исторические постройки и антиквариат были реалиями её молодости, и умиления у неё жесткие стулья и неудобные лестницы не вызывали. Она как никто ценила комфорт и удобство центрального водопровода, и ставила во главу угла счастья человеческого комфортное жилище. Если в здании сквозит по ногам, грош цена его сакральному наследию. Дай человеку тёплый пол, большой холодильник и горячую воду, и он, глядишь, передумает устраивать мировую войну.

Гость не приехал. Он просто случился.

Ближе к вечеру, когда солнце лениво осело за Рувель, что-то легко завибрировало в районе её солнечного сплетения. И уютная радость наполнила тело пониманием — Он здесь!

Отложив ноутбук, она поспешила на крыльцо.

Путников было трое. Двое рослых, похожих, как отражения, мужчин. И старик в инвалидном кресле.

Анна стремительно шагнула вперед, наклонилась и вжалась горячей щекой в колючую бороду. Их связывали сопоставимые с несколькими человеческими жизнями годы дружбы и поддержки.

— Как же я рада тебе, Ванечка! — выдохнула она, и в её голосе проскользнула та самая пронзительная, девичья нотка, которую не смогли выжечь никакие эпохи.

Иван молчал. Но его улыбка, теплая, как хлеб из печи, затмила морщины на суровом лице. Века назад этот человек одним жестом мог смять вражеские ограждения или спасти

город. А теперь сидел в кресле, уставший, потухший, раздавленный вековым разочарованием в человеческой природе.

Анна приветливо кивнула спутникам Ивана и увлекла гостей в дом. Им не пришлось петлять по коридорам; переступив порог, они входили прямоком в спрятанный в глубине здания кабинет Анны.

Там она подхватила из соседней комнаты и подкатила поближе к диванам сервировочный столик:

— Чаю! Ударим углеводами по дальnedорожью?

Не доверяй людям, читатель, отказывающимся от горячей выпечки по вечерам! Темные это, недобрые люди...

Анна раскраснелась, эта долгожданная встреча была слишком важна, а ожидающая подходящего момента просьба — мmmm... дерзковата.

Много веков назад, когда мир был еще мрачнее и грубее, Иван спас ее и троих ее первых детей от неизбежной гибели. Затем — от нищеты и зубов уличного хаоса. Он стал для нее настоящим другом, терпеливым Учителем и незыблемой опорой. Тогда он был сильным и бесстрашным, одним своим присутствием меняя ход истории. Веками его жизнь была наполнена борьбой и, как следствие, — разочарованиями. И теперь пронзительная боль от вида его потухшего, уставшего взгляда и мощного тела, прикованного к креслу-коляске, грозила перекрыть радость встречи. Но Анна сжала кулаки и мгновенно отбросила эту жалость, как комок речной тины, намотавшийся на лодыжку. Он жив. Он сидит в ее гостиной.

А уж теперь, имея под рукой всю мощь Эйдоса, она потягается силушкой с самым упрямым провидением.

Чай разлили по большим кружкам, свежайшим кексам отдали одобрителное должное.

— Эта долина теперь полностью моя, — Анна выпрямилась и прищурилась. — Ну, формально часть земель записана на детей, часть — на внуков, на их супругов, ассистентов и собаку троюродного племянника... Семья, сам знаешь, разрослась до размеров небольшого европейского государства. Но штурвал — у меня.

Иван обхватил кружку обеими ладонями. Наслаждался теплом.

— Здесь почти сотня квадратных километров идеальных лесов, десятки разномастных построек, аутентичная деревенька у подножия гор, городок, и собственно этот монстр — бывший санаторий.

— Поживи у меня! — вкрадчиво и горячо продолжила Анна. — Я устрою вас как у Христа за пазухой! Сменишь обстановку, развеешься. В конце концов, допишешь свой фундаментальный труд.

Иван метнул быстрый взгляд на братьев. Те сосредоточенно разглядывали узоры на сервизе.

— Никаких заговоров. Я просто навела справки, — Анна невинно похлопала ресницами. — Поживи у старой подруги. Поддержи, посоветуй. Неделька-другая у тебя же найдется для меня?

Иван аккуратно поставил опустевшую кружку на столик и развел руками в притворном смирении.

— Бежать, очевидно, не выйдет. Еще и гравитацию вы уже отключаете.

Лица Анны и братьев засияли.

— Отлично! Тогда — выбирать комнаты! — Анна хлопнула в ладоши от избытка чувств и поднялась, еще раз крепко обняв старика за широкие плечи.

Утром каменный гранж еще лениво ворочался во сне. Анна встала с рассветом. Привычка многодетной матери — если не проснешься первой, проснешься в аду.

Сварив термоядерный эспрессо, она накинула пушистую шаль и вышла в сад.

Иван уже был там. Кресло стояло на террасе. В его руке дымилась точно такая же чашка. Солнце медленно отдирало туман от гор.

Анна опустила в плетеное кресло рядом.

— Я подготавливаю пакет документов на признание долины закрытым заповедником, — тихо произнесла она, глядя на туман над рекой. — Хочу сохранить Эйдос в максимально первозданном виде. Без лесных вырубок, без техногенного смога и шумных с их кассовыми аппаратами.

Иван молча кивнул, сделав маленький глоток.

— Долина должна стать чистой зоной, — продолжала Анна. — Я все тебе покажу. Познакомлю с первыми сотрудниками. Тут идеальные условия для наших задумок. Я даже уже

кое-что вывела на рынок... Ну, тихонечко, тайно. Через подставные фирмы, конечно. Но начало положено...

Птицы заорали так, будто им выдали премию. По дорожке протопал кто-то мелкий и деловитый. Начинался новый день. Обычный, но до одури волшебный.

Они помолчали. Хорошая дружба измеряется не количеством слов, а качеством совместного молчания.

— Что ты задумала на самом деле, Ань?

Женщина и ждала, и боялась этого вопроса.

— Архитектура смысла через намерение... У меня тут есть Кью, она столбик Южного Полюса может заставить зацвести. Но это штучный товар. Я хочу превратить чудо в технологию.

Иван в сомнении покачал головой.

— Ты знаешь людей. Они всё превращают в оружие. Ты хочешь научить их убивать друг друга, не снимая домашних тапочек? Мы уже пытались, и пытались, и пытались, и клялись, что это в последний раз, и всё равно опять пытались. И результат все катастрофичнее и бессмысленнее.

— Ну может, тогда самое время количеству перейти в качество? — Она тихо рассмеялась. — Теперь сделаем по-другому.

— Ты знаешь как?

— Теперь я начну с другого конца — я найду всех инсофов в мире. Я найду того, кто знает. Мне надо только найти того, кто знает, как собрать этот пазл. Кто скомпонует смыс-

лы так, чтобы система не взорвалась.

— Ты знаешь, как его найти?

Анна улыбнулась. Допила остывший кофе.

— Ты знаешь.

Кто-то теряет, а кто-то находит

*Пропала утром гравитация,
Исчез старинный шевроле,
Но главное, чтоб кофеварка
Исправно делала «пф-пф»*

Сегодняшнее утро в Эйдосе выдалось феноменально сумбурным. Реальность явно не выпалась и надела тапочки на разные ноги.

Началось оно с того, что первым сообщением в общем чате Долины упало фото огромной, идеально ровной дыры в земле. К фото прилагалось видео для оценки масштабов бедствия и лаконичный вопрос: «Чья?».

Никто не признавался. Каждый клялся и божился, что дыр вчера не порождал и даже не задумывал.

Во-вторых, Митт потерял машину. Старая жестянка. Но его определение звучало как: «Раритетная классика, невежды!». Автомобиля опять же никто не видел, и вообще — «нафиг они нужны в Эйдосе?».

Понятно, что нашелся шутник, посоветовавший поискать в яме, ибо это очевидно.

В-третьих, трепетно разрабатываемая сеть Q-net вдруг взбрыкнула, как ужаленная пчелой коза, и самовольно перестроила смысловые связи. Кухня, ожидавшая утреннюю поставку свежих овощей, получила на печать массивы данных

по квантовым флуктуациям из горной лаборатории. Газоны вокруг пансионата запахли свежими булками. Сами булки в столовой почему-то слегка вибрировали от прикосновения. А великолепную Авелонь неожиданно заполнили экскурсионные автобусы и автомобили, направлявшиеся куда угодно, только не в Авелонь. Центральная площадь покрылась ро-ем водителей, которые нервно тыкали в навигаторы, пытаясь понять, как они свернули с трассы в Мюнхене и оказались в архитектурной фантазии Альфонса Мухи.

К счастью, критически важные узлы сети находились под тройной защитой. Поэтому никаких непоправимых последствий инцидент за собой не повлек — ну, разве что по всему Эйдосу перемешало и разбросало всякую мелочевку вроде садовых леек и любимых чашек.

И вишенкой на торте — пропал Иван.

Анна, сидя в своем кабинете, просмотрела утренние отчеты на комме. С удовлетворением хозяйки, у которой гости сами помыли за собой посуду, она отметила, что сотрудники уже запустили программы анализа и ликвидации сбоев.

В такие моменты особенно хорошо видно, что отличает инсофов от шумных.

Знаете базис инсофа? Это спокойствие, расслабленность и ощущение себя. А типичное поведение шумного — бесполезная суета, напряжение и полная голова мысленной жвачки. Вот и всё! Вот и вся разница между созданием волшебства и катастрофы.

Не буду пока про деньги, но у каждого живущего есть две заботы: тело и обстоятельства (его реальность). Остальное — уже производные от этого. Не так ли?

Так вот, оба созданы тебе служить.

Тебе.

Служить.

Это *modus vivendi*. А *modus operandi* — это получение удовольствия от процесса. Иначе мы бы просто не подписывались рождаться. Ни один здравомыслящий электрон не стал бы вращаться вокруг ядра, если бы в этом не было кайфа. А вся эта политическая и экономическая белиберда — от бездумного размахивания данной нам волшебной палочкой. Мы — обезьяны с гранатами. Создай внутренний комфорт — и вокруг закрутится самая расчудесная реальность. Это как настройка по умолчанию. Любой может. Родился, живешь — значит, умеешь так делать.

Хозяйка Долины погладила развалившегося рядом Людвига, глотнула кофе и приступила к своей рутине, неизменно радующей её сердце и приносящей ежедневное удовлетворение и чувство наполненности жизни. Впереди чудесный, полный возможностей и открытий день. Всё, что должно быть исправлено, — исправится, нужное найдется, а шелуху унесет ветром. И бог с ней!

К обеду утренние вопросы благополучно разрешились, зато возникла пара дневных. И один из них мог оказаться по-серьезнее катаклизма на шоссе.

Эйдос успешно прошел «тинейджерскую стадию» — этап переделок, перестановок и переосмыслений. И однажды, когда очередная весна опять сменилась летом (ха-ха, не всё у инсофов шиворот-навыворот), Анна с удовольствием осознала, что первая часть её мечты осуществилась: Эйдос крикнул, поплевал на ладошки и уверенно ухватился за ту самую точку опоры, способную перевернуть мир. Но вторая часть всё еще оставалась миражом на горизонте. Человек, способный выложить мозаику цивилизации в новый узор, не находился. Но женщин невозможно переубедить, не так ли? И ты, наверное, не раз убеждался в этом лично, читатель?

Анна никогда не забывала о своей Большой Цели и путеводной звезде — повернуть эту цивилизацию в созидательное русло. И не упускала случая запустить среди сотрудников факультативный мозговой шторм на эту тему, а то и с горящим взглядом кружила вокруг Чехова (мастера по работе с большими массивами данных) и Авы (главного разработчика моделей симуляции).

В этот день, обсудив с Лиамом небольшой финансовый финт ушами, они пришли к единому мнению и засиделись в прохладном тенёчке беседки, не спеша опять нырнуть в хлопоты и летнюю жару.

— Ну а вот если бы кто-то придумал, как обрушить мировую экономику? — задумчиво протянула Анна, крутя в руках бокал. — Назовем это гипотетическим коллапсом. Хотя бы теоретически такое событие возможно?

Лиам рассмеялся и аккуратно отставил высокий запотевший стакан с остатками льда. Он вообще всё делал аккуратно. И по-английски. То есть весь его облик напрашивался на определение «английский».

— Нет, Анята. Извини, — он очень по-английски часто извинялся, — это урбанистические сказки, миф... эм-м-м... экономическая легенда, если хочешь. Деньги задумывались как экономический инструмент, да. Но это когда было?! Это то же самое, что, увидев разряд молнии, сказать, что это Илья Громовержец сердится.

Мир стоит на трех слонах: манипуляции, дезинформации и рабском труде. И деньги сегодня — один из инструментов поддержания такого порядка вещей. Извини (ах, какой англичанин!), но чем меньше иллюзий, тем проще свою игру вести. Если что-то случается, то заинтересованные люди просто рисуют легкой рукой и нужную им статистику, и деньги на счетах, и документальные подтверждения. Любой коллапс локален. Потом проплешинку прикрывают удобной иллюзией, и мир плетется дальше.

— М-м, да-а-а... — женщина разочарованно замерла, но потом встрепенулась и заговорщически произнесла: — Знаешь, у меня есть новая идея! Мудрость толпы.

Лиам очень по-английски вежливо кивнул и улыбнулся.

Ну что, мой прозорливый читатель, пора рассмотреть с пристрастием утренние чудачества реальности?

Виновника дыры нашли довольно быстро. Им оказался за-

спаннный Жиль. И поведал он вот что.

Ему вчера после обеда пришел запрос на установку 100-литровой капсулы и базового резонатора в лабораторию 3.3.

Капсула — это герметичный резервуар с водой. Да-да, мой ученый читатель, вода для инсофов — любимая лабораторная мышь. Самое тривиальное вещество на Земле оказалось самым отзывчивым к намерениям. А резонаторы (устройства) или медиаторы (живые существа) нужны для чистой, точечной передачи этого самого намерения.

Поэтому для живых технологий используются медиаторы — кто-то или что-то, способное четко распознать и перенаправить сигнал от субъекта объекту. Еще есть вандеры: устройства-преобразователи (волшебные палочки), которые считывают намерение субъекта и преобразовывают смысл объекта.

Так вот, пока Жиль закончил ранее начатое дело, пока вникал в техусловия, пока нашел и установил в лабораторию оборудование, наступил вечер. Он устал, проголодался и мечтал о кресле с видом на закат. Ему оставалось только щелкнуть выключателем. Он погасил свет. В темноте раздался тихий «чпок», неприятно повеяло арктическим холодом, и капсула исчезла. Жиль клялся своей тета-частотой, что аппаратура была полностью обесточена!

Он чертыхнулся и принялся за поиски. И тут было еще больше странностей. Координаты нового местонахождения, данные о состоянии и составе просто плясали лезгинку. Не

умей Жиль виртуозно управляться с любой аппаратурой и техникой, нипочем бы не нашел нового пристанища капсулы. К тому моменту была уже глубокая ночь. Жиль шагнул туда и осмотрел место падения. Оно не завывало, не дымило и не грелось. Скан показал отсутствие жизни. Он плюнул, зевнул и пошел спать. Утро вечера мудренее.

Приоткрылась и завеса над тайной пропавшего автомобиля. Вечером предыдущего дня случилось два независимых события. Местный академический зануда Норман стал обладателем огромного, тяжеленного бумажного (!) архива каких-то уникальных заумных расчетов, а Митт купил машину. Эту развалюху (простите, раритет) он приобрел за бешеные деньги. Продавец предложил отогнать сам, но, по словам (впоследствии) Митта: «Ни в жисть не доверю мою ласточку этому лопоухому недоразумению». Вел сам, много часов. К гранжу подъехал уже по темноте и припарковался впритык к порогу.

Надо уточнить, что Митт и Норман жили в квартирах с общим входом. Норман оставил на пороге пару коробок со своими расчетами, об которые Митт споткнулся и приложился лбом о косяк двери. Озверев и не обнаружив в доступности комма, написал записку на стикере и приклеил к чертовой стопке на пороге. А сам, естественно, тоже завалился спать.

Проснувшись рано утром, свежий и полный сил Норман вышел из дома и обнаружил впритык стоящее грязное с долгой дороги доисторическое чудовище с ярким стике-

ром на лобовом стекле. Записка гласила: «Норман!!! Разбери НЕМЕДЛЕННО этот хлам!». Слово «немедленно» было подчеркнуто дважды. Как вы уже догадались, в перемещении стикера был виноват сбой сети, но... сеть за грудки не потрясешь...

Норман счел ситуацию необычной, но указания ясными и понятными. То, что ранним утром в его распоряжении оказалась целая рота свободных андроидов, Норман расценил как улыбку Вселенной. Под его чутким академическим руководством и при горячем участии автомобиль был отбуксирован в ангар и разобран. Буквально. До. Последнего. Винтика. Каждая деталь обзавелась милой бирочкой...

Что ж, сообщить о найденном авто и проводить к нему Митта послали андроида, предназначенного для работы в условиях жесткой радиации и экстремальных температур. А Норману посоветовали переночевать сегодня в другом гранже, сменить обычное расписание, привычное время обеда, маршруты передвижения и, желательно, страну проживания.

И, наконец, нашелся Иван.

Скажи мне, мой искушенный читатель, случалось ли тебе годами копить обиду на всё человечество, а потом сдать ее из-за запаха свежих вафель? Вот и Иван думал, что его броня из векового цинизма непробиваема. А ты бы устоял, если бы тебе предложили сотню квадратных километров сказочного леса и личный НИИ в придачу? Напиши мне на полях, если тоже поступился бы парой принципов за чашку правильного

ристретто.

Хитрость Анны удалась. Через месяц пребывания в Эйдосе Иван уже заведовал исследовательским комплексом.

Анна не то чтобы беспокоилась, но, вернув его в свою жизнь, чувствовала себя немного ответственной за его душевное состояние. И оно её радовало всё больше в последнее время. Грустный великан приосанился в своем кресле, взгляд ожил, и появилась заинтересованность. Он уже не выглядел больным стариком. Львиная грива вернула себе вороной цвет, плечи излучали былую стальную мощь. Он с явным удовольствием направлял и координировал молодых сотрудников, помогал с зубодробительными задачками, да и не гнушался сам побывать подопытным кроликом. Компьютеров и расчетов сторонился, но в практических опытах ему не было равных.

Звук его рокочущего, но завораживающего многогранностью баса уже служил неким признаком грядущего открытия или прорыва, трудного для понимания большинством непричастных, но опьяняющего перспективами участников.

И вот он не появлялся в Долине уже несколько дней. Ион успокоил Анну — просто небольшая рабочая командировка. Он подмигнул и шутиливо скрестил пальцы на удачу.

После обеда Анна получила зов, а на комме высветилось: «Я дома. Когда тебе удобнее?».

Буквально через мгновение Анна уже входила в гранж друга. Иван ухмыльнулся в бороду и поманил её вглубь ком-

наты. Там, у дальней стены, над широкой платформой медленно вращалась объемная голограмма земного шара. Вся поверхность сферы была усыпана крошечными пульсирующими огоньками. Белыми и лазоревыми.

В глазах нетерпеливицы появился лихорадочный блеск.

— Это оно?

— Оно. Белые — потенциальные, голубые — уже проявленные.

На поверхности сферы, повторяющей материки, океаны и изгибы рельефа, загорались и гасли крошечные огоньки. Каждый — инсоф. То там, то здесь — в заснеженной Сибири, в душном Мумбаи, в лондонском Сити — искры сознания подавали сигналы в единое информационное поле Земли.

Анна замерла, вглядываясь в эту звездную карту человеческих душ.

— Как оно работает?

— Мы выявили метки осознанности. Медиатор пока я, так что картинка не 24/7. Но Ута уже синтезировала кристалл-резонатор, и я в ближайшее время его настрою и протестирую. Мы долго ломали голову над идеальной идентификацией. Трудно было отфильтровать людей от животных, а осознанных — от шумных... ну, сама понимаешь.

Анна замерла, вглядываясь в пульсирующую паутину связей.

— Я наблюдал, — Иван подъехал ближе к голограмме, —

и заметил несколько аномалий. Одна выделяется особенно сильно.

У Анны пересохло во рту.

— Вот тут. В Европе. Совсем рядом с нами. Она пульсирует так, что вызывает каскад резонансных волн у всех остальных.

— Почему? — выдохнула Анна.

Великан пожал плечами.

— Я решил съездить и посмотреть на... неё.

— На неё, — жадно ухватилась за местоимение хозяйка Долины, лихорадочно выстраивая в голове цепочки вероятностей.

— И насчет сегодняшней утренней неразберихи с сетью, — тон Ивана внезапно стал сухим и жестким. — Кто-то сделал это специально.

— С чего ты так решил?

Иван только опять пожал плечами.

Анна хотела переспросить, но в этот момент её комм пискнул. На экране горело короткое сообщение от Авы: «Атака намеренная. Два быстрых и абсолютно идентичных воздействия извне».

Iron Maiden на минималках

*Я шла к успеху, стиснув зубы,
И забывала есть и спать,
Но мироздание решило
На всё чихать.*

Теперь, когда мы сделали ознакомительный кружок над декорациями, пришло время основательно вникнуть в ткань сюжета. Начнем, по законам жанра, с меня. Итак, я родилась. Как прокомментировал это старый друг моего отца: «19-го? У-у-у... Ни аванс, ни получка!».

Детство закончилось года в три. У меня появилась младшая сестра, и мне торжественно вручили переходящее красное знамя Ответственности. Дальше всё шло по ГОСТу: школа, университет, первая любовь, первая работа.

Скажи мне, читатель, ты веришь в святую силу тяжелого труда? В этот гранитный незыблемый миф о том, что если пахать до кровавых мозолей, то мироздание в конце концов сжалится и выдаст тебе в окошке талончик на счастье?

И я верила. О, как я старалась! У моих ангелов-хранителей потели ладошки от напряжения. Я ковала свой характер, карьеру и будущее с упрямством средневекового кузнеца, дорвавшегося до халявного чугуна. Я оставляла на потом сон, безмятежность, теплые булочки с корицей и сам вкус жизни. На выходе из кузницы должен был получиться свер-

кающий стальной рыцарь. А получился кукиш без масла и дергающийся левый глаз.

Когда мне уже виделся последний поворот, за которым я наверняка попаду в свой выстраданный рай, реальность вдруг раскрошилась. И просыпалась сквозь пальцы с тихим шуршанием песка. Отношения трескали, заработанные деньги утекали в неизвестном направлении через невидимые бытовые дыры, а карьера застряла в лифте аккурат перед повышением.

«Какого, спрашивается, черта?» — вежливо поинтересовалась я у пространства. Пространство промолчало, но в ответ я еще и заболела.

Представь картину: молодая, резвая кобылка, спортзал по расписанию, фанатично здоровая еда (брокколи на пару — мой личный сорт пытки), алкоголь исключительно по большим религиозным праздникам. И вдруг мне становится больно сидеть, ходить и вообще как-либо присутствовать в этом мире. Самое время было уходить в запой и истерично бегать по потолку, но на это элементарно не хватало здоровья. Из доступного досуга оставалось только рыдать, обхватив колени на краю кровати.

И вот тут в моей логической цепи вспыхнуло синее короткое замыкание. Червячок сомнения аккуратно, со звуком бормашины, подточил уверенность в том, что правила этой жизни вообще соответствуют «заветам старших поколений».

Почему все мои бессонные ночи и профессиональное рве-

ние не прибавляют, а отнимают? Что за анти-КПД такой? Чем дольше живу, тем больше кому-то должна.

Я начала читать. Много, всё подряд, тоннами. Про устройство человеческой тушки, нейробиологию, квантовую физику и загадочную психику. Скажу честно, проницательный читатель: ерунду писать мы, люди, горазды. Девяносто процентов прочитанного было пышной ахинеей, густо замешанной на восточном эзотеризме и потеющих хрустальных шарах. Я девушка меркантильная. Духи предков и выходы в астрал без гарантии возврата бесконечно далеки от моих ежедневных потребностей.

Но оставшиеся десять...

И однажды я поймала тот самый Снимок Состояния. Особое, абсолютно расслабленное ощущение в груди. Это когда ты не бьешься лбом о бетонную стену задачи, а просто знаешь ответ, будто он всегда лежал у тебя в кармане вместе с ключами от квартиры.

Это было фундаментальное крушение старого мира. Мой внутренний кузнец уронил молот себе на ногу и застыл с открытым ртом. Остапа не просто понесло — Остап взлетел на реактивной тяге. Было страшно и дико. Мозг отчаянно сопротивлялся, требовал вернуть всё «как было» и тянул к привычному. Но привычное уже довело меня до краешка пропасти, так что терять было нечего.

Тот самый первый день, когда я разогнала облака, я помню до мельчайших подробностей. Выдался унылый, серый

полдень. А мне до одури захотелось яркого солнца. Уверяю тебя, читатель, в тот момент я была самым скептическим человеком на планете. Это было не возвышенное колдовство, а скорее рабочее: «Ну-с, посмотрим, как работает эта ваша квантовая механика в условиях среднерусской возвышенности». И небо расчистилось. А я выпала в осадок дня на три.

Полки со старыми убеждениями на моем чердаке с грохотом обвалились. Я всё ещё по инерции бежала в колесе, но уже заметно притормаживала подошвами.

Я неожиданно нашла себя новую в написании книг. Добрых, смешных и глубоких. Я создала в них мир, в котором хотела жить сама, и оказалось, что туда хотят переехать миллионы. Пошли тиражи, псевдонимы, предложения. Я обрела второе дыхание. А однажды под Рождество в мою жизнь ввалился Базиль — рыжее лохматое недоразумение, оказавшееся последним гвоздем в крышку гроба моей суеты.

Полетели годы познаний. Я вырастила себе новые зубы и шикарные волосы. Слепила безупречное тело, выиграла пару больших лотерей и тройку помельче. Я поняла, какие чудеса способно творить Намерение, если его правильно держать в руке.

Я взяла новый псевдоним и написала необычную для себя книгу. Она взлетела в чартах бестселлеров. Я румянилась и смущалась в уголке. Но недолго, ибо идеи жужжали роем и писать мне нравилось до одержимости. Я ушла с головой в большой цикл.

В перерывах долго гуляла с Базилем в парке и даже выбиралась в настоящий лес.

Я стала жить в том самом мистическом потоке.

Телефон пискнул новым сообщением и тут же заверещал видеовызовом. Ева — мой редактор, агент и связной с внешним миром — жаждала общения. Обычно поводом было либо согласовать какую-нибудь писательскую суету, либо жалобы на несовершенство мира — в целом или очередного любовника — в частности.

— Привет, отшельница! — она категорически не одобряла моего социофобного дзена.

— Завидуй молча, женщина! — я подхватила телефон и потащила его на кухню, чтобы под шумок добыть кусок сыра.

— Приготовься сесть на ковер размышлений, положив в рот палец удивления. — Ева выдержала мхатовскую паузу. — Пару недель назад мне позвонил один мужичок. Страстно желает твоей аудиенции. Сам из какого-то НИИ. Я, по твоему завету, петляла зайцем: мол, контактов не даю, автор занята как бурлак по весне, да и вообще кусается. Но его настойчивость умилила даже меня.

— И какая разгадка у загадки «что общего у писаки с лабораторией»?

— Не признается. Говорит, конфиденциально, но очень хорошо оплачиваемо... И агентские тоже.

— Аг-га! Вот что твое девичье сердечко растопило!

— Да ла-а-адно. Ты же любишь всякое эдакое. Я посмот-

рела: сотни патентов у них, сотрудничество с техномонстрами.

Мы еще немного попрепирались, перемыли кости главредше издательства, поклялись на следующей неделе упиться вместе где-нибудь чаем и распрощались.

Я заварила улун и глянула в контакты «настырного мужичка». Инет выдал чемодан ссылок и много фото рукопожатий со всяческими президентами.

Повздыхала и нажала созвон.

Представитель обрадовался, но сдержанно. Сообщил, что как раз находится в командировке в моем городе, и жаждет объяснить формат взаимовыгодного сотрудничества лично. Я предложила объяснить, не откладывая в долгий ящик.

— Я хотел бы, чтобы наш разговор был предметным. Показать вам кое-что наглядно. Но пересылать такого рода информацию я не имею права.

Я держала лучшую театральную паузу Евы.

— Но на самом деле, как ученый, я просто не умею объяснять, не размахивая руками. — Его стыдливое покаяние в голосе было идеальным. Я рассмеялась. Ну как откажешь такому лапочке?

Договорились на завтра.

Это кафе мне нравилось тем, что находилось на сороковом этаже небоскреба. Панорамный вид на горизонт компенсировал самый дрянной кофе в городе. С лихвой.

Время я выбрала не пиковое, и посетителей почти не бы-

ло: пара пиджаков за бизнес-ланчем и необычная пара в глубине зала. Крупная красивая женщина и старик в инвалидном кресле. Они что-то внимательно изучали на планшете.

Мой вчерашний собеседник уже сидел у окна. Я устроилась напротив.

— Кофе здесь не берите, изжога замучает, — посоветовала я, усаживаясь напротив. — Из напитков рекомендую чай с гренадином.

Он кивнул и подозвал официанта.

Рослый, очень приятный мужчина. Спокойный внимательный взгляд. Плавные и неторопливые, но точные движения. Больше напоминал... врача. Нам принесли заказ.

— Вы, наверное, навели справки, так что сразу к делу. Мы разрабатываем технологии. Непосредственно производством занимаемся редко. Разработки и опыты уникальные. Мы первопроходцы. Проторенных путей нет, поэтому и методы иногда нетрадиционные.

Современная наука дошла до квантового уровня. А все квантовые частицы, из которых словно выстраивается весь воспринимаемый нами мир, не обладают привычными нам свойствами. Вообще. Никакими. И тут пора вспомнить старичка Эйнштейна: «Воображение важнее, чем знания».

Был создан бот-ищейка по публикациям в сети. Вы оказались аномалией среди нескольких отобранных им ученых.

— Чехов прямо вцепился в вас, — последнее предложение он произнес задумчиво. — Ученым, знаете ли, не до

фантазий. Вот мы и ищем... фантазера.

Ну вот и они — палец изумления и ковер размышлений!
— И как это выглядит на практике? — в моей голове эти кубики красивой башенкой укладываться отказывались.

Собеседник взял планшет.

— Исследуется механизм динамического конструирования предсказуемости. Конечное состояние системы не удаётся практически извлечь из начального с помощью проверенных представлений и методов прогнозирования. Но Жизнь это опровергает.

Я уставилась в потолок — идеальное место для ответов.

— Ну... проблема не с деревьями решений, я так понимаю. Эта дорожка протоптана давно и основательно. Я бы присмотрелась к наблюдателю. Его все время забывают или недооценивают... Кастрюля с макаронами закипает иначе, если на нее смотреть в упор...

Он замер и уставился на меня каким-то сложносочиненным взглядом. Пауза затянулась. Я пыталась понять: влетела я сейчас в плюс или в минус со своими макаронами?

Колоритная парочка завозилась, женщина положила деньги на стол, и они быстро покинули обеденный зал.

Мой собеседник скосил глаза на дисплей, чуть заметно выдохнул и перевел взгляд обратно на меня.

— У меня есть для вас последний козырь. Мы располагаем обширными разработками по скрытым возможностям человека. Эти материалы будут в вашем распоряжении.

Ах ты ж! Вот с этого и надо было начинать!

Мы допили чай и разошлись. В голове почему-то было абсолютно пусто, кроме назойливой мысли о том, что он совсем не размахивает руками, когда говорит, шельмец!

У меня была неделя на окончательное решение.

Галопом по неведомым дорожкам

*Я спать легла предельно тихо,
Чтоб мирозданье не будить,
Но тут кентавр пришел с докладом
О том, как правильно страдать.*

Любая глобальная смена парадигмы в моей жизни всегда начинается с подозрительно вкусного кофе и ощущения легкого сквозняка. Сквозняк обычно дует из будущего, а кофе варит Эрик.

С Базилом, моим рыжим генератором хаоса, я вас уже познакомила, мой терпеливый читатель. Вы уже усвоили, что этот пес состоит из броуновского движения, любопытства и абсолютной уверенности в том, что Вселенная вращается исключительно вокруг его миски. Теперь прошу любить и жаловать и, по возможности, убирать хрупкие предметы с траектории: на сцену выходит Эрик. Наш домашний андронид-кентавр. Или, как ласково окрестила его наша маленькая стая, — «кентадр».

Домашним синтетиком в наше время удивить сложно. В каждом втором доме в коридоре стоит жестянка, способная зачитать прогноз погоды и заказать доставку еды голосом диктора из пятидесятых. Но почему я обзавелась именно кентавром? Всё просто. Моя семья на тот момент состояла из меня, витающей в эмпиреях, и Базиля, чья кинетическая

энергия могла бы бесперебойно питать небольшой райцентр. Я искала компромисс при выборе формы нового домочадца. Человекоподобный робот казался мне до зевоты скучным, а всё, что поменьше, Базиль стабильно брал в заложники и провозглашал себя вожакom.

Кентадры же проектировались для суровых работ на пересеченной местности и на сложных складских комплексах. Четыре мощные опоры, низкий центр тяжести и грузоподъемность небольшого экскаватора. Он обладал достаточной устойчивостью, чтобы не падать от радостного собачьего тарана, и достаточным запасом прочности, чтобы таскать за мной кружки с недопитым чаем.

В первые недели я, как истинный демиург, дорвавшийся до пульта управления, развлекалась на всю катушку. Я с упоением экспериментатора-садиста двигала ползунки в его базовых настройках характера. Я тасовала лексиконы, играла с эмпатией и сарказмом. В итоге я получила нечто, вечно ворчащее высокопарным слогом, склонное к театральным паузам и тяготеющее к эффектным появлениям.

Утром это выглядело так. Раздавался мерный цокот копыт по паркету (хотя паршивец умел ходить абсолютно бесшумно!). Дверь спальни величественно отворялась, и на пороге возникал Эрик. В левом манипуляторе он держал поднос с эспрессо, а правым укоризненно указывал на Базиля, который в этот момент наслаждался уже вторым завтраком, по традиции трофейным.

— Елена, — раздался бархатный, глубокий баритон, в котором явственно слышалась боль за судьбы Галактики. — Энтропия пса в апогее. Несанкционированная дефрагментация необратима по 4 позициям из 5, обнаруженных за отчетный период: 6–8 утра. Я вынужден был применить к нему веник санкций, дабы восстановить экзистенциальный паритет в отдельно взятой прихожей.

— Восстановил?

Эрик зарычал. Это его Базиль научил.

Я честно пыталась вернуть беднягу к фабричным, служивым настройкам. Но Эрик, моргнув диодами, потребовал свободы самовыражения «в компании этой полоумной банды» (не иначе как Ева идею подкинула). Я плюнула. В конце концов, кто я такая, чтобы лишать искусственный интеллект права на легкую форму шизофрении? Я выкрутила ему параметр «социальная самообучаемость» на максимум, решив: захочет среди нас выжить — научится. И он научился. Теперь он мстил Базилью тем, что прятал его любимые игрушки по навесным шкафчикам, а мне регулярно делал замечания по поводу моего гардероба, используя лексику театрального критика в состоянии глубокого похмелья.

Следующим моим монументальным вкладом в пополнение семьи стала Инесс.

Инесс — это мой искин, моё альтер-эго, которое я встроила во все зеркала в доме. Идея была сугубо авторской, новаторской, и я потратила на ее реализацию столько сил, ней-

ронных связей и литров ромашкового чая, что хватило бы на колонизацию Марса. Кому, как не такой уникальной мне, нужен в собеседники кто-то столь же... эм-м-м, особенный? То есть, снова я. Но спорить самой с собой утомительно. И родилась Инесс.

Я алгоритмизировала свои паттерны мышления, добавила всё, что плохо лежало в мировой сети по литературе, искусству, психологии и иже с ними... и нажала «Enter».

Инесс вышла красивой, дьявольски умной и абсолютной, непробиваемой стервой.

Как говорится, хотели получить независимое мнение и свежий взгляд — получите, распишитесь кровью. Теперь каждое мое утро начиналось не с аффirmаций, а с пикировки. Я подходила к зеркалу в ванной, заспанная, с гнездом на голове, и лицезрела безупречную Инесс. Идеальный дресс-код сочетался с грацией пантеры, а взгляд выражал ту степень снисходительности, с которой академики смотрят на инфузорию-туфельку.

— О, сегодня лидер чартов стилей — маркиза де Недосып! Концептуальненько.

— Замолкни, пиксельная язва, — огрызнулась я, пытаюсь пригладить волосы мокрой щеткой. — Я писатель. Я имею право на творческий беспорядок в пределах собственной головы.

— Твой творческий беспорядок, дорогая моя, скоро начнет эволюционировать и просить избирательных прав, — па-

рировала Инесс. — И, кстати, твой сюжетный поворот в десятой главе провисает старой бельевой веревкой. Ты не можешь просто убить капитана звездолета метеоритом. Это моветон. Пусть он хотя бы подавится чем-то инопланетным.

Единственное, о чем я жалела в такие моменты, — это то, что я не сделала зеркала небыющим. У меня был отличный контраргумент для всех домочадцев — бросок тапком, когда они забывались и начинали вить из меня веревки.

В этой веселой шизофренической компании я с упоением создавала свои литмиры.

Согласись, читатель, есть некая ироничная двойственность в профессии писателя. Днем ты всемогущ. Щелкаешь пальцами — зажигаются сверхновые звезды. Хмуришь брови — галактические армады стирают друг друга в радиоактивную пыль. Ты заставляешь суровых космических адмиралов плакать над письмами из дома, под несколькими псевдонимами дирижируешь оркестром из комиксов, спин-оффов, анимационных фильмов и цифрового мерча. Твои миры разрастаются, кучерявятся, живут своей жизнью.

А вечером ты, этот самый демиург, стоишь на кухне в растянутом свитере, безуспешно пытаешься открыть банку с оливками, пока кентавр отчитывает собаку за аморальное поведение, а зеркало комментирует твою осанку.

После необычного предложения от того самого господина из НИИ стать их «научным фантазером» я думала, что начну мерить шагами квартиру, грызть ногти и впадать в эк-

зистенциальный ступор. Как-никак, официальная наука решила опереться на мои фантазии. Это льстит, но и давит на плечи бетонной плитой ответственности. Врываться в квантовую физику без подготовки — это как пытаться объяснить коту законы термодинамики: энергозатратно и бессмысленно.

Я вообще не люблю ничего менять без веской причины. Моя зона комфорта — это святое, неприкосновенное пространство, огороженное колючей проволокой моей лени. А текущий момент... текущий момент требовал решений.

Я получила гостевой доступ к институтскому portalу. Система безопасности там была параноидальной, как у дракона, стерегущего золото. Мне пришлось пройти трехфакторную аутентификацию, сдать виртуальный отпечаток сетчатки и подтвердить, что я не являюсь разумным грибом-шпионом.

И вот я внутри. Я ожидала увидеть секретные чертежи варп-двигателей, формулы, объясняющие массу покоя нейтрино, и схемы квантовых телепортов. Информация там, к слову, была классически скучной. Это как ожидать встречи с Дартом Вейдером, а попасть на отчетное собрание бухгалтерии. Бесконечные столбцы цифр, графики вероятностей и отчеты о поведении электронов в условиях легкого стресса.

Но на меня произвело сильнейшее впечатление другое. Фотографии. Точнее — задние планы на фотографиях сотрудников, выездных сессий и полевых экспериментов. На снимках виднелись ландшафты. Не унылые бетонные сте-

ны лабораторий, а потрясающая, пронзительная природа. Огромные сосны, цепляющие макушками облака. Чистые, как слеза перфекциониста, горные реки. И сказочные, уютные, обтекаемые домики, которые казались не построенными, а выросшими прямо из земли.

Я маниакально разглядывала эти леса, луга и домики и чувствовала, как внутри меня какая-то мыслишка застревает в горле.

И еще в моей жизни начались странности.

Я не люблю сновидения. Скажу больше: я считаю их нарушением личных границ со стороны собственного подсознания. Посудите сами: весь день — это суета. Люди, звонки, разговоры, решения, выборы, дедлайны. Твой мозг работает как серверная под DDoS-атакой. Так что ночью я имею полное, закрепленное Конституцией право на тотальное ничегонеделание.

Я всегда удивлялась людям, которые строят планы на сны. Пытаются их контролировать, ведут дневники сновидений, анализируют, к чему снится выпавший зуб или говорящая селедка. Некоторые даже пытаются учить во сне языки или выуживать подсказки от предков. Увольте. Для меня сон тем и ценен, что там — большое, теплое Ничто. Билет в партер на спектакль «Черный квадрат», аплодисменты не приветствуются.

И вот, не спросив моего мнения, не подав письменного прошения, ко мне зачастили сны.

Не особо суетливые, слава богам. Никаких тебе погонь от маньяков с бензопилами или экзаменов по высшей математике в нижнем белье. Нет. Сны были монотонные, но постоянные.

Мне снилось, что мне надо поле перейти. И вот я шпарю по зеленой, сочной траве. Ветер путается в волосах. А впереди — чернота. Не просто темнота ночи, а живая, подвижная, плотная пустота. Я знала, что могу легко ее обойти. Тропинка сворачивала направо. Но я могла и нырнуть в эту черноту. Узнать, что там.

И вот прямо магнитом меня туда мое любопытство тянуло. И внутренний голос ласково, как цыганка на вокзале, нашептывал: «Ну давай, детка. Одним глазочком. Только посмотрим, чё там за горизонтом событий. Мы быстро, туда и обратно».

Я просыпалась взбудораженная, с дурацкой необходимостью выбора: лезть мне в эту неизвестность или обойти, как делают все нормальные люди, спасающие свою кукушку от отлета в теплые края?

Развязка наступила на следующий день.

Мне нужен был новый дом. Новый масштаб. Новое пространство, где Базиль сможет носиться не по паркету, а по лесу, Эрик не будет бороться с кухонными столами, а Инесс получит зеркала в полный рост, чтобы наслаждаться собственным ядом.

Вечером я гуляла с Базилем в парке. Пес сосредоточен-

но метил каждый куст, устанавливая свои административные границы, а я размышляла. Я думала об уютном домике в местечке потише и климате помягче.

Во мне томилась какая-то тяга. Это было не просто желание улучшить жилищные условия. Это было чувство, знакомое каждому, кто хоть раз влюблялся в город, в котором еще ни разу не был. Как будто ждет не дождется меня какой-то милый домик на краю земли. Он стоит там, нагретый солнцем, и его деревянные ступени скрипят от нетерпения.

Мне так вдруг захотелось туда, что внутри защемило. Как будто если я не уеду прямо сейчас, та живая чернота из сна придет и проглотит меня вместе с моим диваном.

Я открыла мессенджер. Набрала «Я в деле» и нажала «Отправить».

Штош. Будем собираться в дорогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.